

Europe & America
№ 1, 1991

А. Солженицын
О Родине
и о себе

Г. Гарсиа Маркес
Любовь
во время чумы

**Зб. Бжезинский и
Бертран Рассел**

Судьба
России

■ Европа 2001

■ Франсуа
Миттеран —
личность

Г. Гачев

Америка, которой
я не видел

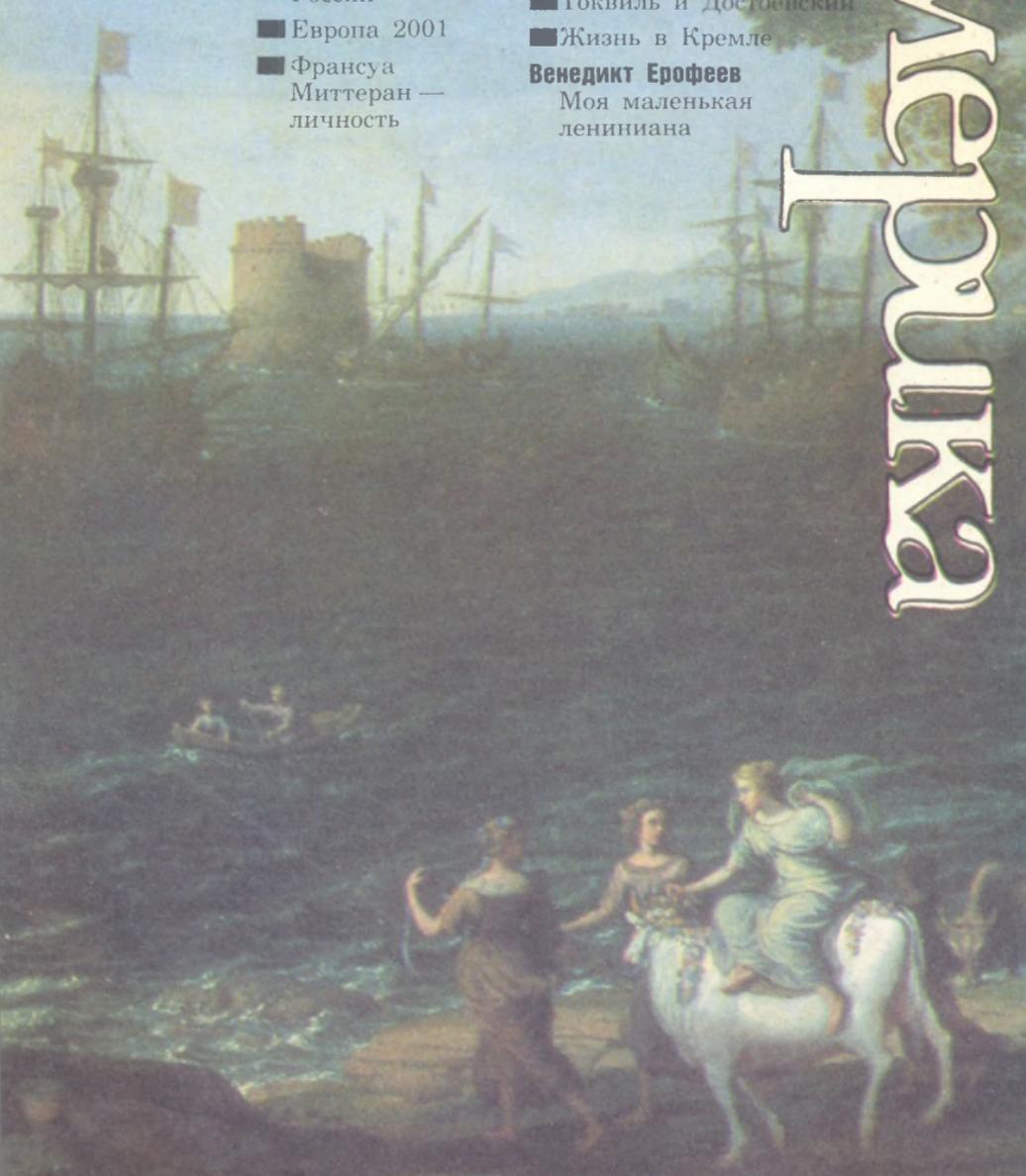
■ Токвиль и Достоевский

■ Жизнь в Кремле

Венедикт Ерофеев

Моя маленькая
лениниана

Европа + Америка

Европа + Америка

№ 1 Europe & America

Верховный
Совет РСФСР
Комитет
по международным
делам и
внешне-
экономическим
связям

Академия наук СССР
Институт
Латинской Америки

Российско-
Иberoамериканская
палата содействия
прогрессу

Ежемесячный журнал

Издательство «Наука»

Москва 1991

В НОМЕРЕ:

- 3 *Ad modum*
- 5 *Александр Солженицын.*
О Родине и о себе
- 12 *Габриэль Гарсиа Маркес.*
Любовь во время чумы

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

- 24 *Георгий Гачев.*
Американский образ мира, или Америка глазами человека,
который ее Не видел
- 36 *Рышард Капусцинский.*
Революция математиков

ИСКУШЕНИЕ МЕЧТОЙ

- 44 *Андраник Мигранян.*
Токвиль и Достоевский
- 54 *Збигнев Бжезинский.*
Большой провал
- 62 *Бертран Рассел.*
Почему русский коммунизм терпит крах
- 67 *Михаил Геллер.*
Весной 1917

- 74 *Станислав Шаталин:*
Рыжков и Абалкин со мной не здороваются
- 78 *Владимир Лукин.*
Суверенитет России и мировая политика
- 87 *Вениамин Ярин:*
«Не буду лукавить»
- 93 *Галина Старовойтова.*
Европа сегодня и в 2000 году

ЛИДЕР И ДЕМОКРАТИЯ

- 97 *Галина Жиганова.*
Пятый президент Пятой республики

РЕКВИЕМ

- 106 *Григорий Померанц.*
Феномен Сахарова

ИСТОРИЯ И ИСТОРИИ

- 112 *Владимир Войнович.*
В кругу друзей.
(Не очень достоверный рассказ об одной
исторической вечеринке)

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

- 123 *Венедикт Ерофеев.*
Моя маленькая Лениниана
- 130 *Лидия Шатуновская.*
Жизнь в Кремле
- 136 *П. К. Губер.*
Дон-Жуанский список Пушкина
- 141 *Татьяна Петрова.*
«Я знаю, птицы в клетках не поют...»

За точность приведенных фактов, цитат, географических названий и прочих сведений ответственность несут авторы. Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения редакции.

Главный редактор Юрий Королев

Номер готовили:

Артур Аветисян, Ольга Белоусова, Вадим Гришин, Владимир Крестьянинов, Ирина Никитина, Константин Остольский, Наталья Павлова, Виктория Портнова, Татьяна Таратута, Ирина Шатуновская

Цена подписки:

на год — 12 руб., на полгода — 6 руб., на квартал — 3 руб.

Цена одного номера — 2 руб.

Адрес редакции:

119034, Москва, Г-34,
Кропоткинский переулок, 24,
тел. 201-54-84

Александр Солженицын

О Родине и о себе*

— Вы взялись за описание критического периода в истории России. Ведь именно этому посвящен ваш гигантский труд «Красное Колесо»?

— Я ничего совсем не описываю. Я по ключевым точкам стараюсь передать форму исторического развития России в виде движения сложной кривой и использую для этого метод узлов. «Август Четырнадцатого» является первым из таких узлов.

* Фрагменты из интервью французскому телевидению.

— Сколько всего существует узлов? Сколько вами уже написано?

— Написано три узла. Август четырнадцатого, потом октябрь (ноябрь по-вашему) 1916-го и март 1917-го, сама революция. Сейчас я пишу четвертый узел. Сколько их надо? Много. Просто жизнь моя оборвется раньше, чем я кончу эту работу. Но мне бы хотелось довести ее, по крайней мере, до седьмого узла для того, чтобы объяснить, каким образом произошел октябрь. Если это объяснить, то тогда все остальное уже будет ясно.

— Мне кажется, что «Красное Колесо» — это метафора...

— Вы знаете, я нашел, что она наиболее точно выражает закон всех революций, в том числе и вашей французской революции. Когда раскручивается это грандиозное и в общем почти космическое колесо, оно захватывает в себя целый народ и целые народы. И своих инициаторов оно захватывает как ничтожные песчинки. Так что и те, кто начинали революцию, потом крутятся в этом вихре беспомощно и чаще всего погибают.

— Правда ли, что «Красное Колесо» было вами задумано еще в юности и вы начали работу до войны?

— Первый толчок к тому, чтобы написать крупное произведение, я получил десяти лет отроду, когда в одно и то же время прочел, во-первых, «Войну и мир» Толстого (и сразу почувствовал какое-то особое тяготение к большому формату) и, во-вторых, изданные у нас, в Советском Союзе, по недосмотру советской цензуры, воспоминания члена Государственной думы Шульгина, написанные очень эмоционально и отнюдь не в пользу большевиков. Я захвачен был этой книжкой. Однако по раннему возрасту эти два впечатления не соединились во мне. И тогда еще замысел не возник. Прошло с тех пор восемь лет. Я окончил советскую школу. Мне было 18. Я отчетливо помню тот день в ноябре 1936 г., когда вдруг этот замысел меня схватил. Это произошло почти 50 лет назад. Именно тогда я решил писать крупную эпопею о нашей революции. Но за прошедшее время советское воспитание уже повернуло мои мозги, и я думал, что главная моя задача описать октябрьский переворот. Мне казалось, что здесь корень события, центр его. Потом я стал отступать, потому что нельзя начинать с октябрьского переворота, а надо немножко раньше. Надо показать ход 1917-го года, показать 1914 год, войну. Но несколько лет назад я понял, что все еще недостаточно готов к описанию революции. Что и революцию только из войны вывести невозможно. Надо представить читателю ход революционных идей и событий, нарастание революционного террора и революционного движения в России за более длительный период. И тогда я стал отступать от 1914-го года сперва к 1911-му году, т. е. к убийству Столыпина. Потом оказалось, что нужно отступить к 1905-му, к началу века.

— Сохранились ли у вас первые наброски «Августа Четырнадцатого»?

— Вы знаете, просто чудесным стечением обстоятельств, несмотря на то, что была война и сгорел тот дом, в котором я жил до войны, несмотря на тюрьму и лагеря, мои самые первые наброски 1936-го и 1937-го годов сохранились. Это

первые попытки, наброски, написанные совершенно еще детским почерком. Это начало мое, причем надо сказать, что композиционно первые главы — приезда Самсонова, приезда Воротынцева к Самсонову — так и остались в том виде, как я задумал их в те годы в этих детских тетрадках. Это все детское, моя детская работа... Конечно, фактура изменилась, само написание, язык я изменил, но композиция первых глав сохранилась... Позже, 12 лет спустя, когда я уже на «шарашке» был, я пытался писать секретным образом. Видите, на немецкой трофейной бумаге. Даже бумаги не было. Это тоже очень раннее, начало.

— Во второй части романа «Август Четырнадцатого» вы рассказываете об убийстве революционером Багровым Столыпина, премьер-министра царского правительства. Из вашего описания видно, что вы глубоко цените Столыпина. В вашем романе это умный, проницательный, сильный, принципиальный человек. Вы даже утверждаете, что Столыпин был последним шансом для царя. Соблюдена ли здесь историческая правда?

— Да, вы знаете, я глубоко уверен, что это именно так. Кстати, у меня в доме висит фотопортрет Столыпина, на котором он снят как раз за день до убийства... Столыпин — выдающийся государственный деятель вообще. По масштабам разных столетий России. В XX в. более крупного государственного деятеля у нас не было. В своей ретроспекции я ведь отступил до начала царствования Николая II. И мне пришлось невольно показать в главе о Николае II, что за первые 11 лет его царствования к 1905 году практически уже так много было потеряно, что Россия была накануне гибели. И Столыпин сумел вытянуть Россию из этой бездны и поставить ее на прочный путь развития. Если бы Столыпин не был убит и было бы еще несколько лет этого развития, которое решительно меняло не только экономику, но и всю социальную структуру государства, то Россию нельзя было бы так свалить легко. Я глубоко убежден, что убийство Столыпина, этот выстрел определил судьбу страны, направление развития России, потому что сразу руководство попало в слабые неумелые руки, которые не могли Россией править.

— Поскольку вы писатель, поговорим о вашем писательском труде. Как я убедился, вы очень цените работу над словом. Вы даже составляете специальные словари...

— Слово — это постоянное дыхание писателя. Я занимаюсь русским языком ежедневно в течение уже 35 лет. Все лагерное время я этим занимался. И собственно говоря, ничем другим... Чем-то другим было опасно заниматься. Потому что я не хотел, чтобы лагерная администрация могла понять, что я интересуюсь, например, историей революции. Я не мог держать в руках книгу по истории революции. А словарь — это как будто безобидно. И вот я занимался обработкой русских словарей, и особенно знаменитого словаря Даля, в течение 35 лет. Смысл был такой. Я считаю, что наш русский язык, как и всякий современный язык, слишком быстро сужается в своем объеме. То есть он приобретает множество технических терминов, но это не обогащение языка. А свои рельеф и объем, живой объем, все современ-

ные языки уменьшают. И вот вокруг того, что есть сегодняш-
ний язык, вокруг этого есть еще неотмерший слой. Если
этот слой сохранить, то можно язык расширить. Моя рабо-
та — в этом слое. Я хочу сохранить для языка то, что еще
можно сохранить. И я веду реестр этому. Я делаю экстракты
не просто любых слов, но тех слов, которые надо сохранить
для употребления в языке.

Первый экстракт, первые кандидаты в этот отбор опреде-
лялись в лагере и на шарашке. Потом из первого отбора
я начал составлять второй отбор. Второй экстракт я тоже
давно кончил. Сегодня я уже делаю третий экстракт.
А из этого третьего экстракта мой младший сын печатает
заготовки для типографии. Это уже делается на пишущей
машинке. Я мечтаю к концу моей жизни составить словарь —
примерно 40—50 тыс. слов, которые крайне полезны, нужны
в употреблении. Их легко вернуть, еще можно вернуть, они
еще не умерли. Вот это одна из моих работ.

— Почему и сейчас, когда вы свободны, вы пишете таким
же мелким почерком, как и тогда, в лагере? Привычка?

— Да, я до самой высылки из Советского Союза все
писал мелко, чтобы легче было прятать. У меня такая
привычка. Все мои рукописи так написаны. А сейчас я стал
писать уже крупнее.

— Что представляет собой рабочий день Александра Сол-
женицына — писателя, как он проходит? Расскажите в об-
щих чертах.

— Рабочий день мой состоит в том, что я с раннего
утра все время работаю. Стараюсь более ответственные части
делать утром. А к вечеру, к позднему вечеру — заготов-
ки на следующий день. То есть материал, без которого нель-
зя завтра писать. И должен сказать, что у меня эта работа
обычно не поспевает. Я быстрее успеваю написать, нежели
подготовить все необходимое к вечеру. Так что меня поздно
вечером душит материал... Я работаю просто все дни, сколько
себя помню. Со школьного времени, с тех пор, как я задумал
этот роман, у меня не было никаких отдыхов, я просто
всегда работаю. Ежедневно, без перерывов, без свободных
дней.

— Возможно ли это?

— Ну, в общем, все время, что я не сплю и не ем. Все
время. Конечно, с детьми еще иногда надо позаниматься.
Делаю с ними уроки по некоторым предметам, в том
числе по математике, истории, астрономии.

— Почему некоторые эмигранты пытаются вас оклеве-
тать? Вы для них опасный человек?

— Я различаю здесь две вещи. Поразительно, что создается
такое общественное мнение, и в том числе писателями,
что, если писатель заперся и сидит пишет, то это не-
нормально, это почти сумасшествие. Теперь считается,
что писатель должен непрерывно ездить на конференции
и выступать. Вот если он все время выступает, то это нор-
мальное общественное поведение писателя. Да я впервые за
всю свою жизнь, за 65 лет, сумел получить два-три
письменных стола и разложить бумагу так, чтобы не пря-
тать, что сейчас зайдет КГБ. Я сижу и работаю. Считает-
ся, что я «тронулся». Что это ненормально. Не может

писатель сидеть и все время работать. Вот на это я и хочу обратить внимание. Даже естественную форму жизни писателя мне ставят в вину. Чем руководствуются при этом? Значит, не к чему придаться, ничего придумать более существенного не могут. А я им мешаю, потому что я среди тех, кого не успели уничтожить. Меня Сталин не добил. Когда-то Ахматова мне сказала: «Эх, Александр Исаевич, вас и меня не успел Сталин убить». Так вот, я среди тех немногих, кого Сталин не сумел задушить. И я говорю о России то, что есть. Истину говорю. Я посвятил этому жизнь. Поэтому я ненавистная фигура. Я мешаю им выступить единственным авторитетом и перед Западом. Значит надо меня травить. А для этого что придумали? Посмотрите, придумали такую глупость: если я сижу и целыми днями, годами пишу, то значит это совершенно ненормально. Это — психический сдвиг. Это — ГУЛАГ.

— Выходит, вы человек опасный?

— Получается так. Опасный. Сижу и никого не трогаю. Сижу и пишу. Опасный... Знаете, такая несчастная судьба, что из-за моих публицистических выступлений, которые я веду совсем не по личному пристрастию, а просто потому, что произведено большое уничтожение русских людей, и не осталось почти никого, кто мог бы рассказывать, как на самом деле было, из-за этих публицистических выступлений критики стали рассматривать меня как своего рода политического деятеля. И все, что я читал в критическом отношении, это была оценка моей политической позиции и больше ничего. Все. Больше ничего. Так что я почти не знаю критических работ, очень мало критических работ по моим произведениям.

— Из-за того, что вы популярны как человек, переживший ГУЛАГ, посвятивший всю жизнь его обличению, известны как противник коммунистической идеологии, о вас, случается, забывают как о писателе. А ведь вы в первую очередь писатель.

— Да, это меня очень огорчает. И чем дальше, тем больше. Потому что получается, что я как бы известен не главной своей деятельностью, не главной своей стороной. Правда, вот Жорж Нева написал книгу обо мне. Это литературно-критическая книга. Во Франции их больше, чем где бы то ни было. А например, в Америке пишут только как о политическом деятеле.

— Ценят ли и любят ли вас американская интеллигенция?

— Нет, я этого не скажу. Комплекс моих представлений о современном мире, о Западе очень неприемлем для ведущей части американской интеллигенции. Им хотелось бы, чтобы это было не так. Я им ни по душе, ни по нраву не подхожу. И поэтому им легче всего стать на ту же точку зрения, какую и отстаивают наши деятели, названные мною плюралистами. То есть осуждать меня лично. Мне приписывают невероятную ложь. Например, существует в Америке, у американской интеллигенции абсолютно твердое убеждение, что я восхваляю царя Николая II, просто на коленях перед ним стою, и что я говорю о том, что в России должна быть теократия, т. е. владычество священства. Никогда никто не при-

вел ни одной цитаты. И тысячи людей повторяют: он монархист, он заядлый царист и теократ. Начиная с Киссенджера, который говорит, что я хуже всех царей и хуже всех царистов.

— Но вы же описываете царя Николая II не с лучшей стороны.

— На это не обращают внимания. Говорят: он молится на Николая II. Я никогда нигде не говорил, что Россией или какой-нибудь другой страной должны руководить священники. Никогда этого не говорил. Но все повторяют хором, сотни умнейших американских интеллектуалов повторяют: он проповедует теократию. Вот так добросовестно они меня истолковывают.

— Скоро исполнится десять лет, как советские власти выставили Александра Солженицына за дверь. Несколько месяцев вы жили в Цюрихе, а затем поселились в Соединенных Штатах. Считаете ли вы, что сделали верный выбор?

— Я выбрал то место, где смог создать себе наилучшие условия для работы. Во-первых, достаточный простор, во-вторых, отличная связь с библиотеками, ибо нигде, как в Соединенных Штатах, нет такого количества русской литературы и русских архивов. И в-третьих, я не мог жить в центре Европы, потому что каждый день приходило не меньше десяти посетителей. Непрерывно: стучат, звонят, стучат, звонят... почти все время. И каждый хочет видеть только на полчаса. Только полчаса, мы больше не претендуем. То есть не только мне жизни нет, но и семье жизни нет. Я должен был поставить себя в такую географическую точку, чтобы ко мне трудно было добраться. Вот вы видели, что вам не так легко было ко мне добраться. И только этим я могу обезопасить покой для своей работы и семьи. Так что да, я выбрал правильно. И эти годы в Соединенных Штатах я работал отлично. Я имею решительно все условия, какие мне нужны. Кроме Родины.

— Если случится так, что ваши три сына, родившиеся на русской земле, станут по образу жизни и полученному образованию американцами, будете ли вы об этом сожалеть?

— Конечно, мы с женой принимаем все меры к тому, чтобы они совершенно свободно владели русским языком. Пока что это удалось, чтобы они развивались в духе русской культуры. Конечно, мы рады, что они учатся иностранным языкам, что они усваивают иностранную культуру, но не за счет русской. На сегодняшний день это нам удалось, но огромными усилиями, особенно жены, которая больше всего этим занимается. До сих пор это русские мальчики. Они сердцем связаны с Россией, с русской культурой. Знают русскую поэзию, русскую живопись. Нам было бы больно их упустить, сделать из них западных людей.

— Существует ли опасность, что они потеряют всякое желание вернуться однажды в Россию? Я имею в виду, когда вырастут.

— Сегодня этого пока не наблюдается и мне этого не хочется. Хотя есть риск, конечно, что и я буду похоронен вот в этой земле. Есть риск, что мы все здесь умрем, никогда не увидев России. Но мы живем надеждой на возврат.

И я сегодня еще твердо уверен, что эти мальчишки вернутся в Россию охотно и очень будут России нужны и полезны.

— **Что вы думаете об идее, что Бог всегда на стороне сильного?**

— Я такой идеи даже не знаю ни с какой стороны. А откуда такая идея у вас?

— **Во Франции говорят, что Бог всегда поддерживает сильную армию. Сильная армия одерживает верх над слабой. Значит Бог всегда на стороне победителя. У нас есть даже пословица: Бог на стороне сильного войска.**

— Не знаю. Мой личный опыт этого не подтверждает. И наблюдения за человеческой историей этого не подтверждают. Просто рисунок истории гораздо более сложен, чем мы себе можем постичь головой. Когда нам кажется, что история развивается безнадежно, это только мы проходим через испытания, в которых мы можем вырасти. Я многие годы страдал: ну за что такая несчастная судьба России? Ну почему Россия попала в руки бандитов, которые делают с ней, что хотят? Но прошли десятилетия. Я вижу, что весь мир повторяет эту картину. И я понял, что значит это и есть узкие, страшно «тяжелые» ворота, через которые мир должен пройти. Просто Россия прошла первая. Мы все должны протиснуться через этот ужас. Это не значит, что Бог нас покинул. Бог дал нам свободу воли. И мы вправе делать так или делать иначе. И если человечество — одно поколение за другим — делает ошибки, то это не Бог с нами ошибается, это мы сами ошибаемся. Все дело в том, что и цель человеческого развития мы все время видим не там. Люди, начиная от индивидуальных своих ощущений до исторического сознания наций и обществ, чаще всего принимают материальное благополучие за ту цель, к которой мы идем. А мы не к этой цели идем. Наоборот, в этот страшный XX век нам открыт путь большого духовного возвышения...